

Сталинская коллективизация и советская модернизация

© Ханин Г. И., Фомин Д. А.

© Khanin G., Fomin D.

Сталинская коллективизация и советская модернизация

Stalinist collectivization and Soviet modernization

Аннотация. Излагаются биография и научные взгляды выдающегося современного российского историка С. А. Нефедова. Анализируется предложенная им концепция коллективизации в СССР. Показывается взаимосвязь коллективизации и тупика нэп в конце 1920-х годов, неспособность решать проблемы модернизации советского общества и вооруженных сил в условиях приближающейся войны. Анализируются экономические последствия коллективизации. Авторы полемизируют с некоторыми оценками Нефедова в отношении масштабов модернизации советского сельского хозяйства в результате коллективизации. Анализируются взгляды Нефедова на причины голода 1930-х годов, его связь с качеством сельскохозяйственной статистики.

Annotation. The paper outlines a biography and academic views of an outstanding modern Russian historian Sergey Nefedov. The authors analyze the concept of collectivization in the USSR developed by Sergey Nefedov. Interconnections between collectivization and the deadlock of the New Economic Policy at the end of the 1920s, its inability to solve the issues of modernization of the Soviet society and military forces in the period of the imminent war are reviewed. The authors demonstrate that many shortcomings of collectivization were due to inadequate intellectual development level of the society and the ruling class. Economic consequences of collectivization are considered. The authors challenge some Nefedov's estimates of the scale of modernization of Soviet agriculture as a result of collectivization. The authors analyze Nefedov's views on the causes of famine in thirties and its correlation with the quality of agricultural statistical data.

Ключевые слова. С. А. Нефедов, история СССР, история коллективизации в СССР, модернизация советского сельского хозяйства, аграрное перенаселение в СССР, нэп, причины голода 1930-х годов.

Key words. Peasantry, Sergey Nefedov, history of the USSR, history of collectivization in the USSR, modernization of Soviet agriculture, rural overpopulation in the USSR, New Economic Policy, causes of the famine in thirties.

Удивить книгами о коллективизации в СССР сейчас невозможно. Однако та, о которой пойдет речь [12], отнюдь не теряется в ряду ранее вышедших в свет, хотя за последние 25 лет в России было опубликовано несметное количество исследований отечественных и зарубежных авторов об этом переломном периоде советской истории (Сталин был прав, называя ее в Кратком курсе ВКП(б) Второй Октябрьской революцией). Имя автора заставляет отнестись к книге с особым вниманием. Поэтому начнем с рассказа об этом выдающемся, на наш взгляд, российском историке. Возможно, это одновременно развеет

ХАНИН Гирш Ицкович — профессор Сибирского института управления (Филиал РАНХ и ГС), Новосибирский государственный технический университет, доктор экономических наук.
ФОМИН Дмитрий Александрович — доцент Новосибирского государственного технического университета, кандидат экономических наук.

широко распространенное в мире представление о России как пустыне в гуманитарных науках.

Кто такой Сергей Александрович Нефедов?

Эту часть статьи можно было бы считать излишней, если бы мы писали для историков (впрочем, многие подробности вряд ли известны и им). Однако мы пишем ее для всех граждан России, интересующихся ее экономикой и историей. При анализе научных произведений в России избегают анализировать биографии их авторов. Считаем нужным решительно порвать с этой дурной традицией, поскольку научная биография исследователя позволяет не только лучше понять и оценить произведение, но и воздать автору должное как в позитивном, так и в негативном плане.

Тем более что биография Нефедова весьма необычна. Начинать он свою научную деятельность как математик. В математики и физики в советское время шли наиболее одаренные люди. И вдруг поворот к гуманитарным наукам. Почему? Потому что уже в детстве у автора был большой интерес к истории. Другая причина: уверенность, что математика позволит лучше понять и исторические проблемы; так и случилось, но подробности были весьма драматичны [7]. Уже на матмехе Уральского государственного университета, куда Нефедов поступил по настоянию умных родителей, образовался кружок студентов, собиравшихся с помощью математики найти закономерности истории. На заседаниях затрагивались и политические вопросы. Разумеется, это привлекло внимание КГБ, и матмеховцев стали таскать на допросы. Так что в конце концов кружок распался [7. С. 8]. Но это не испугало и не обескуражило молодого Нефедова. Все свободное время он по-прежнему проводил в библиотеке института, изучая историю разных стран мира.

Тем временем математическая карьера развивалась более чем благополучно. В школе академика Н. Н. Красовского Нефедов добился больших успехов, доказав теорему Нефедова—Шолохова и став кандидатом физико-математических наук. Но история не отпускала. Изучая историю Китая, Нефедов обнаружил взаимосвязь революций с предшествующим ростом населения и последующим резким падением его численности. Так Нефедов стал мальтузианцем, и у него возникла идея демографических циклов. Он не знал, что 50 лет назад эту идею обосновали на материалах европейской истории знаменитые историки В. Абель и М. По-стан, открыв новое направление в исторической науке. Независимо от них, Нефедов на основе своего открытия написал книгу «История Поднебесной». Эта книга с 1982 года распространялась, конечно же, в самиздате и стала там хитом, получившим высокую оценку Льва Гумилева. Легально она была опубликована только в 1992 году. Одновременно с теорией демографических циклов Нефедов самостоятельно открыл закон технологической диффузии, также параллельно разрабатывавшийся западными учеными.

Скорее всего с конца 1980-х годов, получив, как и многие другие гуманитарии, свободу публиковаться, Нефедов стал наконец заниматься преимущественно историей — такой, как он ее тогда понимал (последние его математические публикации датированы 1986 годом). Обнародование своих открытий он начал необычно: с книг для детей старшего возраста по важнейшим периодам истории человечества от древнего мира до нового времени [14; 18; 15]. Писать для детей добро-совестному человеку очень сложно: нужно очень многое знать и (что намного сложнее) понимать. Нужно обладать колоссальной эрудицией. Но, тем не менее, то была прекрасная подготовительная школа для будущего научного прорыва. Он был связан с исследованиями в рамках успешно развивавшихся на Западе с 1930-х годов направлений анализа экономической и гражданской истории великого Фернана Броделя, его единомышленников и учеников, а затем структурно-демографической истории революции Глоудстона (она появилась в 1991 году). По обоим этим направлениям советские и российские ученые очень сильно отставали от западных: во многом им мешали марксистские догмы.

Не замутненные пропагандой мозги советских физиков и математиков способны были найти не только сильные стороны в учении Мальтуса, но и его ограниченность во времени и пространстве. Концепция Голдстоуна позволяла связать учение Мальтуса с причинами революций с помощью структурных изменений в составе элит. В обоих случаях Нефедов оказался первым среди российских историков. Ему удалось соединить оба эти течения экономической и общественной мысли и применить к трактовке истории сначала восточных и средневековых западных стран, а затем и России на протяжении огромного периода времени: от ее возникновения до середины XX века, пока она еще оставалась преимущественно аграрной страной. И не только применить, но и существенно обогатить за счет анализа технических и военных революций [16; 17]. Последнее иначе, как огромным научным достижением, назвать нельзя. Оно позволило намного лучше, чем прежде, оценить и объяснить многие стороны российской истории. При всей приверженности Нефедова мальтузианству при анализе аграрных обществ в его исследованиях немало и от лучших традиций марксизма в оценке огромного влияния экономики на историю общества. Впрочем, это же определяет и некоторую неизбежную их объяснительную ограниченность.

Отметим основные научные достижения, отраженные в исследованиях Нефедова по истории России:

1. Высокопрофессиональный анализ соотношения между производством продовольствия и численностью населения в России за тысячу лет. Внимание к истории сельского хозяйства было сильной стороной советской исторической науки, связанной с традиционным вниманием к реальной экономике. Но проблемы сельского хозяйства анализировались в разрезе объема и динамики производства про-

довольствия, преимущественно зерна. К тому же этот анализ касался лишь материала начиная с XVI века, когда появились относительно достоверные массовые данные. Нефедов впервые произвел анализ применительно к численности населения, притом зачастую отдельных районов. И не с XVI века, а с момента возникновения России. Очевидно, с какими колоссальными проблемами в поисках источников пришлось ему столкнуться. И они были успешно решены. На этой основе стало впервые возможно установить демографические циклы в истории России.

2. Установление связи между демографическими циклами и политической историей России, выявление их также впервые как основных факторов этой истории вплоть до конца 1930-х годов.

3. Иностранное технологическое, военное и культурно-политическое влияние внешнего окружения на историю России, огромное прогрессивное значение этого влияния, обеспечившего (в отличие от Китая и подавляющего большинства развивающихся стран) сохранение России как самостоятельного государства и способствующего ее политическому могуществу.

4. Тщательный анализ изменений структуры правящего класса.

Все четыре пункта потребовали анализа огромного фактического материала, множества источников, в том числе и архивных. Можно только удивиться, что это сделал один человек. Нефедов своими работами и необычной биографией буквально ворвался в российскую историческую науку. Будучи самоучкой (что пошло ему на пользу), он защитил в конце 1980-х годов кандидатскую диссертацию по истории и стал профессиональным историком. За последующий период им было написано свыше 10 книг и около 300 статей. Все они вызвали огромный интерес не только в России, но и в мире в целом. По таким весьма содержательным показателям, как индекс Хирша в базе данных Web of Science, среди историков России он занимает одно из первых мест. Отдельно отметим те исследования, которые непосредственно примыкают к рассматриваемому в рецензируемой книге периоду.

Большое внимание научной общественности привлекла полемика между двумя наиболее крупными, по нашему мнению, современными российскими историками — Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым — по животрепещущему вопросу о причинах Октябрьской революции. Первый считал ее случайным явлением; второй — закономерным, связанным с неспособностью самодержавия справиться с вызовами, predetermined демографическим ростом и технологической модернизаций. Намного более убедительной нам представляется точка зрения Нефедова, тогда как Миронов допустил серьезнейшую ошибку в оценке размеров социальной дифференциации в дореволюционной России, что показано в ряде журнальных статей Нефедова. Наши расчеты подтверждают справедливость позиции Нефедова [27. С. 75—79].

Важным в этом отношении является оценка результатов антропометрических наблюдений. Б. Н. Миронову принадлежит заслуга введения этого метода в исторические исследования в России. Но сами эти измерения и их интерпретация его оппонентом, как показал Нефедов, содержат серьезные ошибки, особенно для предреволюционного периода.

Долгое время казалось, что Нефедов так и останется историком до-революционной России и минует минное поле советского периода. Но он и раньше не боялся минных полей — не испугался и сейчас. Первая работа по советской истории была посвящена аграрным и демографическим итогам Октябрьской революции [11]. Его вторая работа посвящена еще более дискуссионной проблеме — причинам и последствиям коллективизации в СССР [12]. Накопленный огромный опыт исторического анализа позволил Нефедову весьма компетентно оценить и причины, и последствия коллективизации в СССР. На наш взгляд, данная книга Нефедова является исследованием, важным для понимания движущих сил коллективизации, места этого события в истории советского государства и всей истории СССР. Мы очень высоко оцениваем научные заслуги Нефедова в этой области исторической науки, хотя и не во всем разделяем его выводы.

Особенности концепции коллективизации С. А. Нефедова

Нефедов приходит к выводу о неизбежности форсированной коллективизации в конкретных условиях развития СССР в конце 1920-х годов вопреки мнению многих восторженных почитателей нэпа и противников коллективизации. Этот вывод аргументируется тупиковостью сельскохозяйственного сектора СССР в этот период и общим состоянием экономики и общества. Анализу состояния сельского хозяйства СССР в период нэпа посвящена значительная часть книги. Действительно, большие успехи нэпа в восстановлении довоенного уровня сельскохозяйственного производства в середине 1920-х годов затушевывают его кризис в последующий период. Этот кризис явился результатом аграрной революции 1917 года. «Это была победа крестьянского традиционализма. Советская Россия превратилась в страну миллионов крестьянских хозяйств, обрабатывающих свое маленькое поле примитивной сохой. Это разрушало все надежды большевиков, мечтавших о технической модернизации» [12. С. 68].

Кризис сельскохозяйственного производства в конце нэпа Нефедов иллюстрирует впервые введенными в оборот данными хлебофуражных балансов СССР, которые показывают сокращение душевого сбора зерна, потребления муки и крупы, фуража в последние два нэповских года [12. С. 71]. Катастрофически сократился экспорт зерна — основной тогда статьи экспорта СССР, что крайне затрудняло импорт оборудования, жизненно необходимого для модернизации экономики. У большинства крестьянских хозяйств просто

не было ни средств, ни (что не менее важно) желания и умения приобретать современную сельскохозяйственную технику и применять современную агротехнику. В то же время, вследствие намного большей, чем в царское время, слабости налоговой службы значительно снизились изъятия финансовых ресурсов из деревни для развития промышленности, науки и культуры, обороны страны. По подсчетам Нефедова, доля налогов с крестьян (видимо, прямых) в конце нэпа составляла ничтожную величину — 4 процента чистого дохода [12. С. 41; 24. С. 474].

Слабость налоговой системы Советская власть пыталась компенсировать низкими заготовительными ценами на зерно. Но от них было гораздо легче уклониться путем переключения на производство более рентабельной животноводческой продукции и технических культур. В результате при той же низкой производительности труда крестьяне потребляли намного (на 20—40 процентов [12. С. 41]) больше продовольствия, чем до революции, — в ущерб товарному производству. Реальная заработная плата рабочих также выросла на 40 процентов по сравнению с дореволюционным уровнем при значительно меньшей продолжительности рабочего дня [12. С. 77]. Пострадали только бывшие собственники и интеллигенция.

При всей своей приблизительности эти данные говорят об огромном сдвиге в распределении валового внутреннего продукта в пользу личного потребления в ущерб накоплению и обороне. Такое положение не могло продолжаться долго. По нашим подсчетам, основанным на восстановительной стоимости основных фондов, в конце 1920-х годов рост основных фондов был либо минимальным, либо вообще прекратился [29. С. 254—257]. Состояние вооруженных сил и ВПК СССР в тот период было столь удручающим, что потенциально делало страну легкой жертвой военного нападения. Ускоренная модернизация экономики и вооруженных сил становилась вопросом жизни и смерти для СССР и его граждан. И она требовала огромных средств, извлечь которые можно было преимущественно из деревни.

На основе проделанного анализа процессов модернизации в России в предыдущие периоды [17] Нефедов делает общий шокирующий вывод: «Индустриализация требовала огромных средств, а их можно было взять только у крестьян. Это всегда приводило к голоду: правление Петра I закончилось катастрофическим голодом 1723—1725 годов, а политика Вышнеградского [привела] к голоду 1891—1892 годов» [12. С. 43]. Вопрос был только в размерах этого голода или, как минимум, острой нехватки питания.

Говоря о слабости советского государства в период нэпа, проявившейся в изъятиях налоговой службы и других действиях государства, хотим обратить внимание на то, что она явилась следствием огромных потерь интеллектуального потенциала России. Потери произошли в результате Первой мировой и Гражданской войн, «белого» и «красного» террора, голода 1921 года и эмиграции после Граждан-

ской войны, затронувшей значительную часть интеллигенции. Численность старой квалифицированной интеллигенции сократилась, а новая была значительно хуже подготовлена. Нехватка интеллектуальных сил зачастую диктовала вместо мягких и тонких методов управления более грубые. Именно в силу этого столь незначителен был прямой налог с крестьянских хозяйств — в тот период предпочитали более легко собиравшиеся косвенные налоги. По подсчетам Нефедова, в 1920-х годах налоги не превышали 4 процентов чистого дохода крестьянских хозяйств. Кроме того, после революции крестьяне получили право варить самогон, что подорвало государственную водочную монополию и сократило размер водочных акцизов, которые ранее были важнейшей доходной статьей государственного бюджета [12. С. 41–42].

Уместно провести аналогию конца 1920-х годов с нынешним периодом экономического и общественного развития РФ. Общими являются огромное экономическое и технологическое отставание от передовых стран и необходимость огромных вложений средств для преодоления этой отсталости [29. С. 164–184]. К этому нужно также добавить огромный дефицит интеллектуальных ресурсов, обусловленный указанными потерями, к которым добавились потери периода коллективизации, голода 1932–1933 годов, чисток 1937–1938 годов, огромных потерь Великой Отечественной войны, послевоенной эмиграции и отрицательного отбора в советский и постсоветский периоды. Что касается собственно средств для модернизации, то теперь их можно извлечь преимущественно путем изъятия части колоссальных доходов и имущества наиболее состоятельных слоев населения. Это также потребует не только желания власти, но и умения и честности налоговых работников.

Нефедов увязывает процесс модернизации с аграрным перенаселением в ряде районов страны [12. С. 88–93]. Огромное и растущее аграрное перенаселение при низком уровне агротехники являлось условием проведения уборки урожая, когда трудовая нагрузка резко возрастает. К тому же многие крестьяне и не испытывали потребности переселения в город, несмотря на большую разницу в доходах сельского и городского жителя из-за ограниченности потребностей [12. С. 125]. В условиях медленного развития несельскохозяйственного сектора отсутствовали условия для уменьшения аграрного перенаселения. С другой стороны, расширение несельскохозяйственного сектора сдерживалось нехваткой трудовых ресурсов. Коллективизация должна была решить и эту проблему.

Нефедов показывает, что за образец модернизации в сельском хозяйстве советским руководством было принято сельское хозяйство США, где в 1920-е годы произошла агротехническая революция, связанная с массовым применением тракторов и комбайнов в периоды сева и уборки [12. С. 125–130]. Обеспечивая сокращение трудовых затрат при уборке, такая агротехническая революция создавала новые проблемы

с занятостью в деревне, которые предполагалось решить изменением структуры сельскохозяйственного производства в пользу более трудоемких культур.

Фактически коллективизация пошла совсем не по намеченному ранее плану — не дожидаясь поступления новой техники, способной доказать крестьянам преимущества коллективного хозяйствования. Нефедов считает это неизбежным. «Планы постепенной и добровольной коллективизации потерпели полный крах. Заготовительная кампания 1928/1929 годов показала, что производители товарного зерна, зажиточные крестьяне, отказываются продавать зерно по низким закупочным ценам. Промышленные центры испытывали нехватку хлеба, в крупных городах были введены карточки. По существу, повторялась ситуация 1917 года, когда крестьяне точно так же отказались поставлять в город хлеб, отказались выполнять введенную Николаем II продразверстку — и голодные бунты в городах спровоцировали Февральскую революцию» [12. С. 132]. Следовательно, Сталин, иницилируя в начале 1930 года ускоренную коллективизацию, действовал в состоянии крайней необходимости, необходимой самообороны. Альтернативой был отказ от быстрой модернизации.

Оставался все же вопрос о мере. Эта мера была нарушена энтузиастами коллективизации из числа рядовых коммунистов и комсомольцев, посланных в колхоз для ее проведения, деревенских комсомольцев. Таким образом, со Сталина снимается ответственность за многочисленные злоупотребления в этот период. Нефедов считает оправданным (при «всей жестокости и несправедливости») выселение примерно 200 тысяч кулацких хозяйств, полагая, что это помогло «избежать крупномасштабной гражданской войны» [12. С. 133]. Возникшие в итоге многочисленные крестьянские восстания Нефедов трактует как «бунт традиционалистов против модернизации, восставшие требовали вернуться к старым порядкам» [12. С. 136]. Нам все же представляется, что волнения представляли собой не только бунт традиционалистов, но и оправданный протест против неоправданных элементарной хозяйственной целесообразностью мер по ограничению собственности на мелкий скот и других экономических и политических злоупотреблений этого периода, которые осуждает и Нефедов.

Последовавшее после статьи Сталина «Головокружения от успехов» огромное сокращение числа колхозов приводит Нефедова к выводу, что «коллективизацию поддерживало сравнительно небольшое число крестьян, что сторонников традиционного ведения хозяйства было гораздо больше» [12. С. 136]. Вместе с тем Нефедов отмечает, что на первом этапе «эта важнейшая аграрная реформа была организована плохо, что ЦК, пресса и местные органы действовали несогласованно... Контроль центра над происходящим на местах был в значительной степени утрачен, и в движении был сильный элемент стихийности — в частности, погромы церквей носили преимущественно стихийный характер. Центр не давал определенных указаний (и поначалу, по-ви-

димому, сам не знал), какой должна быть степень обобществления в колхозах... Возможность традиционалистской реакции крестьян на коллективизацию была недооценена, и, в конечном счете, эта реакция остановила коллективизацию» [12. С. 136—137]. Если такой вывод справедлив, это отрицательно характеризует интеллектуальный уровень центральных и местных органов, эффективность государственно-партийной системы.

Особенно вопиющими были ошибки руководства сельским хозяйством в первую пятилетку. Например, хорошо известны грубейшие статистические искажения. При ошибочной статистике трудно было ожидать успешного руководства, как при ошибочных картах — благополучного плавания. Просчеты в сельскохозяйственной статистике явились важной причиной, приведшей к голоду 1933 года (его причины мы рассмотрим ниже). Многие недостатки в проведении коллективизации были устранены в течение второй и третьей пятилеток. Этому способствовал и рост образовательного уровня работников сельского хозяйства и руководителей сельскохозяйственных предприятий.

Наиболее важным народнохозяйственным итогом коллективизации Нефедов обоснованно считает высвобождение благодаря механизации растениеводства огромного количества рабочей силы (18,5 миллиона человек) [12. С. 177]. Поскольку в 1930-е годы производство росло преимущественно за счет роста численности работающих, именно это высвобождение сыграло решающую роль в индустриализации советской экономики. Частично благодаря этому фактору была в десять раз увеличена и численность Вооруженных сил, занятости в социальной сфере и сфере государственного управления. Смертельная опасность потери государственной самостоятельности была отведена. Экономические последствия коллективизации для самого сельского хозяйства и уровня жизни населения Нефедов анализирует в отдельных главах.

Наибольшую новизну в анализе динамики растениеводства представляет объяснение Нефедовым причин отсутствия роста урожайности зерновых, несмотря на значительный прогресс в агротехнике в 1930-е годы. В отечественной литературе преобладает объяснение его недостатками социалистического сектора, последствиями насильственной коллективизации. Нефедов связывает этот феномен преимущественно с экологическим кризисом, который постепенно накапливался в течение длительного времени. Он обращает внимание на то, что на период 1932—1940 годов пришлось четыре тяжелых засухи — относительно намного больше, чем в любой предшествующий период русской истории, начиная с XVIII века [12. С. 195; 30. Р. 125]. С учетом роста урожайности технических культур продукция растениеводства, безусловно, намного выросла после коллективизации [23. С. 621]. В то же время животноводство так и не оправилось от ее последствий [12. С. 203]. Учитывая преобладание растениеводства в продукции сельского хозяйства, можно полагать, что уровень 1928 года превзошла и вся продукция сельского хозяйства. К сожалению, ни ЦСУ СССР, ни отдельные отечественные и

зарубежные ученые до сих пор не исчислили индекс продукции сельского хозяйства в 1930-е годы, что затрудняет подведение аграрных итогов этого периода.

С учетом огромного объема изъятия средств из сельского хозяйства, неблагоприятных климатических условий, потерь первого этапа коллективизации и отсутствия опыта введения коллективного сельского хозяйства этот результат может считаться удовлетворительным. Обращает на себя внимание, что более благополучно складывалась ситуация в обобществленном секторе, в котором было сосредоточено производство растениеводческой продукции, и менее благополучно — в частном секторе, где было преимущественно сосредоточено животноводство. Но само по себе это не свидетельствует о преимуществе обобществленного сектора: просто он пользовался огромными привилегиями государства. Но, разумеется, недопустимо сопоставлять эффективность их в расчете на единицу земельной площади, где как раз частный сектор оказывается намного эффективнее. Частный сектор развивался на кормах обобществленного сектора и с использованием его техники.

Нефедов тщательно исследует динамику потребления колхозников и рабочих в 1930-е годы, опираясь на архивные данные бюджетных исследований, которые он подвергает обработке для получения динамики калорийности питания. Оценки показали, что к концу 1930-х годов душевое потребление продуктов значительно снизилось по сравнению с периодом нэпа, при этом потребление промышленных товаров выросло [12. С. 224—233]. В то же время следует отметить, что по сравнению с дореволюционным периодом уровень потребления все же несколько поднялся.

Питание рабочих несколько выросло по калорийности, но в нем резко упала доля животных продуктов [12. С. 233]. Обращает на себя внимание сравнение среднего уровня питания рабочих с питанием рабочих в Ленинграде, которое намного превысило средний уровень (то же самое, очевидно, было и в Москве и других крупных городах) [12. С. 235—236]. В этом проявились привилегии жителей крупных городов, политически наиболее важных, что сохранилось до конца Советской власти. Вместе с тем душевое потребление промышленных товаров в Ленинграде уменьшилось по сравнению с периодом нэпа. Нефедов обращает внимание на уменьшение продолжительности рабочего дня и увеличение объема социальных и культурных благ, доступных рабочим, что повышало уровень жизни [12. С. 236—237].

Общее душевое потребление продуктов всех жителей СССР по калорийности в конце 1930-х годов было, как считал Нефедов, ниже, чем в период нэпа. Здесь он полемизирует с популярными оценками американского экономиста Р. Аллена, согласно которым в это время произошел рост душевого потребления продуктов питания. Нефедов обнаружил ошибку в расчетах Р. Аллена, который значительно преуменьшил потребление фуража и, соответственно, преувеличил расход зерновых в личном потреблении населения [12. С. 237—238]. Изящ-

ность и убедительность полемики с Р. Алленом производит сильное впечатление.

Оценка динамики личного потребления в СССР существенно дополняется анализом антропометрических данных. Здесь Нефедов продолжает свою полемику с Мироновым. Из-за недостатка места вынуждены опустить анализ этой интересной полемики, в которой позиция Нефедова показалась нам более убедительной.

Анализируя динамику изменения уровня жизни в 1930-е годы, хотим обратить внимание на некоторые лакуны в работе Нефедова. Так, в ней практически отсутствует анализ жилищных условий городского населения. Эти условия, безусловно, значительно ухудшились, поскольку городское население, во-первых, росло намного быстрее городского жилищного фонда. К тому же увеличилась неравномерность распределения этого фонда. Во-вторых, по сравнению с периодом нэпа намного ухудшились возможности приобретения товаров населением. Дефицит стал постоянным явлением, и долгие стояния в очередях и время, потраченное на поиски товаров, нужно также отнести к потерям населения. Заслуживает большего внимания анализ влияния на уровень жизни огромного перемещения населения из деревни в город. Для вчерашних деревенских жителей это означало большое улучшение их уровня жизни (кроме жилищных условий), поскольку среднее потребление рабочих и служащих было намного выше, чем у крестьян. Далее мы более подробно изложим нашу точку зрения по поводу двух наиболее значимых обсуждавшихся в книге проблем.

Аграрная модернизация: планы и реальность

Во всех своих научных работах С. А. Нефедов широко использует теоретико-методологические подходы, интерпретирующие исторический процесс с единых универсальных позиций. Одним из таких подходов является инновационно-диффузный, который, по мнению автора, отражает общую закономерность исторического процесса. Сущность этого подхода применительно к коллективизации изложена автором в отдельном параграфе [12. С. 124–132]. Общий смысл заключается в том, что в результате стечения определенных обстоятельств возникает фундаментальная инновация, которая обеспечивает ее создателям определенное экономическое, технологическое или военное преимущество. Рано или поздно фундаментальные инновации вызывают волну завоеваний — как военных, так и экономических. Те общества и государства, которые чувствуют угрозу завоевания, вынуждены перенимать эти инновации для защиты собственной территории и экономики. Таким образом формируется диффузионный механизм. Заимствование инноваций очень часто происходит в условиях дефицита времени, неготовности государственных и общественных институтов к изменениям, отсутствия кадров нужной квалификации и интеллектуального уровня. При этих обстоятельствах решающее значение приобретают административно-воле-

вые методы насилия и произвола, а сами инновации распространяются в условиях штурмовщины и кампанейщины. Именно это и происходило в СССР в конце 1920-х и в 1930-х годах.

Слабость и уязвимость раннего СССР определялись главным образом отсутствием развитого машиностроения, способного производить современные виды техники и вооружения. Как справедливо отмечает Нефедов, для создания мощной военной индустрии требовалось строить заводы и промышленные города. В свою очередь, для этого необходима была рабочая сила, нужно было переместить миллионы работников в города и обеспечить их хлебом. Однако решение этой задачи было невозможно без роста производительности аграрного труда на базе его массовой механизации [12. С. 125].

Стоит сказать, что модернизация сельского хозяйства не сводится исключительно к его механизации. Можно выделить как минимум еще несколько направлений, без которых невозможна успешная модернизация сельского хозяйства. Речь идет о химизации, широком использовании минеральных удобрений и средств защиты растений в растениеводстве (безусловным лидером здесь была Германия). Далее идет селекция, выведение новых сортов растений и пород животных. Следующим элементом является появление новых способов выращивания растений, агротехники, содержания скота. Эти способы в середине XX века окончательно оформятся в виде биотехнологий (произойдет то, что позднее назовут «зеленой революцией»). Наконец, непременным условием любой модернизации является формирование научно-исследовательского и образовательного комплекса. К сожалению, в представленной работе Нефедова этим важным направлениям аграрной модернизации уделено очень мало внимания.

Помимо механизации основных технологических процессов, историк заостряет внимание только на изменениях в агротехнике и использовании органических и минеральных удобрений в сельском хозяйстве. Важнейшие позитивные изменения в агротехнике были связаны с улучшением механической обработки земли, а также с совершенствованием системы севооборотов [12. С. 179—186]. Что касается применения удобрений, то добиться большого прогресса в довоенном СССР не удалось. Органических удобрений было недостаточно вследствие сокращения поголовья скота, к тому же практика их использования была поставлена под сомнение влиятельными учеными. Широкое использование минеральных удобрений было также невозможно вследствие слабости химической промышленности и ее ориентации главным образом на оборонные нужды государства.

Массовая химизация сельского хозяйства в СССР стала возможной только в 1960-е годы [12. С. 189—191]. При этом за пределами авторского исторического анализа оказалась селекционная работа, которой в СССР был нанесен огромный ущерб из-за гонений на генетику. Практически нет в книге сведений о деятельности научных учреждений аграрного профиля, значимость которых в решении модернизационных

задач была очень велика. Достаточно, например, указать, что специализированная научная сельскохозяйственная академия (ВАСХНИЛ) была создана летом 1929 года. Время появления академии совпало с началом коллективизации, конечно же, не случайно.

Однако насколько и всегда ли общие закономерности могут прояснить те или иные частные вопросы? Конечно, их использование в историческом анализе оправдано. Обнаруженные на больших исторических массивах закономерности могут организовать в единое целое огромное количество фактов и процессов, дать им качественное и (далеко не всегда) количественное описание, выявить логику и направление общественных действий. Вместе с тем закономерности упрощают сложную историческую реальность, сводят ее к тенденциозной выборке фактов и событий. Рассмотрим в связи с этим реальную практику реформирования сельского хозяйства и то, что ей предшествовало.

Реальное положение сельского хозяйства, сложившееся к началу коллективизации, очень хорошо описано С. А. Нефедовым во второй главе книги [12. С. 66—123]. Главное, на чем акцентирует внимание автор — исчерпанность существующей аграрной практики. В сельском хозяйстве существовал целый ряд ограничений экономического, организационного, экологического и технологического характера, который делал развитие отрасли невозможным. То, что сельское хозяйство исчерпало пути своего роста и нуждается в модернизации, было достаточно очевидным и общим для всех. Очевидным и общим было и то, какое сельское хозяйство нужно СССР: конечно же, коллективное, высокотехнологичное и механизированное. Разногласия начинались с путей и методов осуществления этого грандиозного замысла.

К концу 1920-х годов планы по модернизации были оформлены в виде двух отличных друг от друга организационно-экономических концепций. Первая предусматривала развитие сельского хозяйства на кооперативных принципах. Ее реализация предполагала создание механизмов материальной заинтересованности работников, а также достаточно сложную и развитую систему интеграции независимых кооперативных аграрных предприятий в государственную экономическую систему. Авторы этой концепции, наиболее ярким представителем которой был А. В. Чаянов, считали добровольное кооперирование крестьян на основе их экономических интересов оптимальной формой коллективизации. Кооперация, по их мнению, обеспечивает непрерывное развитие движения аграрного производства и ментальности крестьян от индивидуально-частного к коллективному.

Вторая концепция реформирования была чрезвычайно радикальной, предполагала упразднение любых сельскохозяйственных организационных форм и тотальное огосударствление всех факторов аграрного производства. В наиболее полном виде такой план реформирования был разработан в Сибири [9. С. 112—117]. Он предусматривал к 1937—1938 годам создание на территории Сибирского края 173 агроиндустриальных комбинатов (АИК), которые объединяли бы 2498 колхозов, сов-

хозов и перерабатывающих предприятий. АИК призваны были решить следующие задачи: превратить аграрный труд в разновидность промышленного, ликвидировать существенные различия города и деревни, преодолеть сезонность аграрного производства за счет маневрирования и динамики рабочей силы, перевести сельское хозяйство на индустриальную основу.

Внутренняя структура комбинатов строилась исходя из принципа самодостаточности и сбалансированности территориальных единиц. Прежде всего, она предполагала комбинирование сельскохозяйственной деятельности и промышленной переработки (отсюда и название — комбинаты). Кроме того, АИК задумывались как села-города с целым комплексом сети культурных, образовательных и медицинских учреждений. С учетом огромной территории Сибири, авторы уделяли большое значение транспортной инфраструктуре, которая обеспечивала бы связь мест производства и рынков сбыта продукции. Каждый АИК должен был обладать собственной железнодорожной и трамвайной сетью, которая подразделялась бы на постоянные и переносные пути. На каждые 100 тысяч гектаров пашни планировалось от 41 до 90 километров подобных путей. Всего же в Сибири в рамках АИК планировалось построить 40 тысяч километров постоянных железных дорог и 19 тысяч километров дорог переносных, что было примерно в десять раз больше существующей ко времени планирования железнодорожной сети Сибири. Кроме того, проекты предусматривали строительство 18 тысяч километров шоссейных дорог, а в местах с затрудненным рельефом предполагалась прокладка канатных дорог.

Нетрудно заметить, что проекты АИК были гораздо ближе к американским агрофабрикам, нежели фактически созданные в СССР колхозы и совхозы. Собственно говоря, проекты АИК и разрабатывались исходя из американского опыта (на тот момент — действительно самого передового в мире), о чем откровенно рассказывали их авторы в своих пояснениях и предисловиях.

Первый проект, кооперационный, по своей сути был эволюционным. Второй, проект агроиндустриальный, — был революционным. Между ними были идеологические различия: в духе времени первый был интерпретирован в качестве «правого уклона», второй — как «левый уклон». У каждого из этих проектов существовали сильные и слабые стороны, любой из них не гарантировал быстрого (и не только быстрого) успеха и не предостерегал от возможных ошибок. Но общее между ними было одно: оба проекта рассматривали сельское хозяйство в виде объекта модернизационных усилий, а саму аграрную модернизацию — конечной целью этих усилий. А что окончательно сблизило между собой проекты, так это их судьба: оба были отвергнуты.

Проекты не могли быть реализованы по одной простой причине: они требовали денег, точнее — много денег. Проект добровольной кооперации крестьян мог быть реализован только в условиях эквивалентного обмена между городом и селом, то есть путем установления паритетных

цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В условиях ликвидации свободного рынка и плановой экономики эквивалентный обмен был возможен на основе искусственного поддержания равновесия цен, для чего требовались бюджетные средства. Вместе с тем государство, вплотную приступив к планам индустриализации, этих средств на поддержку села не имело, что отчетливо проявилось при хлебозаготовках в конце 1920-х годов, более того — искало в сельском хозяйстве дополнительные материальные, кадровые и финансовые ресурсы для индустриализации.

Создание АИК требовало еще больших средств от государства. По расчетам, средний размер капиталовложений для создания одного комбината был равен 25 миллионам рублей [25. С. 208]. При этом общий объем капиталовложений в общественный сектор сельского хозяйства, например, в 1930 году составил 2685 миллионов рублей [21. С. 196]. Нетрудно рассчитать, что годового объема капиталовложений хватило бы для организации чуть более 100 АИК. Однако планы модернизации предусматривали создание к началу 1940-х годов в СССР несколько тысяч комбинатов. В условиях форсированной индустриализации экономики и подготовки к большой войне эти планы не могли получить поддержки и не имели шансов на реализацию. Модернизация — штука совсем не дешевая, иногда (и даже чаще всего) от нее лучше отказаться.

Вне всякого сомнения, построить накануне войны современное и эффективное сельское хозяйство (а именно в этом и заключается смысл модернизации) не удалось. Но издержки, связанные с неэффективностью новой аграрной системы, несло не государство, усилиями которого эта система была создана. Государство переложило эти издержки на крестьянство, оказавшееся заложником индустриально-милитаризованного советского экономического курса. С хронологической точки зрения эти издержки можно классифицировать как краткосрочные, проявившиеся в виде спада производства сельскохозяйственной продукции и голода в начале 1930-х годов, и долгосрочные, связанные с отчуждением работников от результатов своего производства, которые были характерны для всего последующего советского периода. Рассмотрим их более подробно.

Коллективизация и голод

В книге, посвященной итогам сталинской коллективизации, избежать вопроса о голоде начала 1930-х годов и его причинах было невозможно. Этой проблеме автор отвел значительную часть монографии [12. С. 145—170]. Очевидно, что коллективизация и голод — это не просто события, связанные отношениями «раньше — позже». Между ними существует причинно-следственная связь: коллективизация, точнее — ошибки, допущенные при ее проведении, предопределила трагедию. Собственно говоря, этой точки зрения и придерживается С. А. Нефедов [13. С. 135—140]. При этом автор принципиально (и вполне обоснован-

но) отвергает различные конспирологические объяснения, рассматривающие голод в качестве сознательного выбора и рукотворного процесса высшего политического руководства СССР в целях умирения крестьянства и умышленной жертвенности во имя индустриализации («машины съели людей»). Различные теории «искусственного голода», несмотря на их популярность, не имеют сколько-нибудь значимой фактологической основы. Прав был С. А. Нефедов, когда писал, что для Сталина голод был такой же неожиданностью, как и для современных историков [13. С. 137].

Тем не менее такая позиция не избавляет от поиска ответа на вопрос о причинах голода и описания его природы. В качестве непосредственных причин голода Нефедов называет резкое падение трудовой дисциплины, выразившееся в невыходе на полевые работы или бездействие на ней, причем в самые ответственные моменты уборки урожая. Кроме того, в качестве причины голода указывается массовое нашествие мышей, погубившее урожай 1932 года. «Итальянская забастовка», по мнению Нефедова, была ответной реакцией крестьянства на насилие, имевшее место при проведении коллективизации. В этом отношении историк разделяет точку зрения Сталина на начальную природу коллективизированного труда, которая действительно во многом объясняет поведение крестьян. Отказ от официальной логики, столь характерный для современных историков, существенно обедняет картину коллективизации. В результате зерно оказалось неубранным, частично было разворовано и скрыто в плохо оборудованных земляных ямах. Внезапно образовавшееся изобилие корма явилось причиной стремительного роста популяции грызунов, которые уничтожили запасы продовольствия, предназначенные людям.

Вместе с тем нам представляется, что связь коллективизации и голода носила более сложный характер. Дело в том, что современное общество, располагающее колоссальными возможностями самосохранения, не может привести к катастрофе какой-либо один или даже несколько факторов. Катастрофа может произойти только тогда, когда в действие вступают множество таковых, которые накладываются, усиливают и порождают друг друга. Важнейшим условием развития катастрофического сценария практически во всех случаях является информационная слепота, неверная оценка угроз и последствий вмешательства в самый сложный социально-экономический механизм. И в любом случае мы имеем дело с множественной детерминацией (сверхдетерминацией). Изложим с этих позиций собственный взгляд на природу голода.

Прежде всего, произошло сокращение поголовья животных, снизились объемы производства животноводческой продукции и потребление продуктов питания животного происхождения. Насильственность создания колхозов привела к тому, что крестьяне текущее индивидуальное потребление продуктов питания предпочли долгосрочному коллективному использованию средств производства и аграрного воспроизводст-

ва. Вырезали скот — обобществлять стало попросту нечего. С 1928-го по 1932 год поголовье практически всех видов скота и птицы сократилось почти наполовину [8. С. 261]. Потребление мяса, сала и птицы на душу земледельческого населения с 1929-го по 1932 год снизилось с 29,5 килограмма до 11,2, масла — с 1,2 килограмма до 0,7 [8. С. 267; 12. С. 163—165]. Разумеется, если бы удалось сохранить поголовье животных, это существенно увеличило бы калорийность питания. К тому же довоенное животноводство было преимущественно экстенсивным, пастбищно-отгонным. Наиболее развитым было скотоводство и коневодство, зерноемкие виды (свиноводство и птицеводство) не имели высокого удельного веса на территории СССР, за исключением некоторых его районов. Поэтому продовольственные трудности, при наличии основного стада и ремонтного молодняка, могли быть решены за счет расширенного использования пастбищ, заготовок грубых и сочных кормов.

Сокращение касалось всех видов скота — как продуктивного, так и рабочего. В начале 1930-х годов наиболее трудоемкие работы — вспашка, уборка зерна, транспортировка — были слабо механизированы, в их основе лежало использование рабочего скота. Например, в 1931 году косами и серпами убиралось 35,4 процента уборочной площади зерновых; 54,6 процента — с помощью конного инвентаря и только 10 процентов уборочных работ были механизированы. Между тем поголовье рабочего скота сократилось. Так, в 1928 году поголовье рабочих лошадей в СССР составило 24,3 миллиона голов [5. С. 4], а к 1934 году сократилось до 10,8 миллиона голов [6. С. 4, 215]. То есть сельское хозяйство в результате реформирования потеряло 13,5 миллиона рабочих лошадей. В итоге на каждые 100 гектаров посевов в 1927 году в среднем приходилось 19,6 головы рабочего скота, в 1932 году — только 10,7 [8. С. 235, 254].

Здесь, впрочем, возникает достаточно дискуссионный вопрос об оптимальности поголовья рабочих лошадей в крестьянских хозяйствах в 1920-е годы. В работе С. А. Нефедова приводятся сведения, согласно которым фактическая нагрузка на одну лошадь составляла 2,7 гектара, а нормативная — 6 гектаров. Причиной столь низкой производительности тягловой силы являлся мелкий размер крестьянского хозяйства — всего 4 гектара пашни [12. С. 97—98]. Объединение мелких parcelлярных хозяйств в крупные коллективные, в принципе, должно было привести к сокращению поголовья рабочего скота. Однако только ли малыми размерами крестьянских хозяйств объясняются низкие цифры по этому показателю? По всей видимости, нет. При нехватке пастбищ и сенокосов скот кормили зерном. Использование зерна на фураж производилось по остаточному принципу — после удовлетворения нужд крестьян в питании и реализации товарной части на рынке. В результате у животных был дефицит корма. Как указывает Нефедов, такая практика вела к деградации скота, воспроизводству его малорослости, легковесности и слабосильности. Средний вес рабочей лошади составлял всего 18 пудов, в то время как в Америке лошадь имела массу 40 пудов, а в Англии — 55 пудов [12. С. 98]. При таких производственных характеристиках рабо-

чего скота больших резервов его сокращения у коллективизированных крестьянских хозяйств, скорее всего, не было.

Конечно, коллективизация сопровождалась механизацией сельского хозяйства, темпы которой были впечатляющими. В 1928 году мощность тракторного парка в сельском хозяйстве составляла 278,1 тысячи лошадиных сил, а к 1934 году — до 3209,2 тысяч [22. С.731]. За семь лет аграрных преобразований уровень механизации по тракторам вырос более чем в одиннадцать раз. При допущении, что 1 лошадиная сила трактора равна 2 лошадиным силам, получится, что сельское хозяйство в 1928—1934 годах дополнительно получило тяговых мощностей в размере 5,9 миллиона лошадиных сил. Таким образом, механизация аграрного сектора позволила компенсировать чуть более 40 процентов потерь рабочего скота. В действительности же размер компенсации был, по всей видимости, значительно ниже — вследствие низкой подготовки трактористов и пренебрежения к правилам обслуживания техники. По этим причинам, например, осенью 1932 года простаивало 30—40 процентов тракторов, а количество подготовленных трактористов составило только 80 процентов от их необходимого количества [12. С. 172—173].

Последствия сокращения тяговой силы достаточно очевидны: затягивание сроков уборки, осыпание зерна, увеличение расхождения между биологической и амбарной урожайностями. В 1931 и 1932 годах уборочная кампания растянулась на 40—50 дней. По данным Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), в 1930—1931 годах потери зерна составляли около 20 процентов от выращенного урожая, а в некоторых колхозах достигали 20—40 процентов [8. С. 257]. Коллективизация не только снизила мотивацию работников села и вызвала их саботаж, о чем пишет Нефедов, но и привела к стремительной деградации традиционных материальных факторов производства. Эта деградация лишь в незначительной степени, особенно на ранних этапах коллективизации, была компенсирована появлением новых технических и технологических факторов аграрной модернизации. Падение производства как животноводческой продукции, так и растениеводческой, предопределило катастрофу голода.

Но явилось ли это сокращение решающим? Можно ли было обойтись наличными, пусть и сильно сокращенными, продовольственными ресурсами для предотвращения голода? Обойтись можно было бы — при условии сокращения экспорта. Проведем несложный расчет, основанный на внешнеторговой статистике [3. С. 20—21]. Если спор об урожайности и производстве зерна не утихает до сих пор, то данным об экспорте можно смело доверять. Дело в том, что советская статистика показатели внешнеэкономической деятельности, особенно показатели натуральные, никогда не фальсифицировала. Эти данные легко можно было верифицировать — то, что для СССР было экспортом, то для других стран являлось импортом.

Срок использования продовольственного зерна, при его правильном хранении, составляет от четырех до шести лет [20. С. 581]. Возь-

мом нижнюю оценку сохранности — четыре года, а началом отсчета — осень 1930-го, когда полученным урожаем стало распоряжаться государство. В 1930 году СССР экспортировал 4,8 миллиона тонн зерна, в 1931-м — 5,1, в 1932-м — 1,7, в 1933 году — 1,7 миллиона тонн [2. С. 35]. Масштабы голода руководство СССР в полной мере осознало только в конце 1932 года, а экспорт хлеба был практически полностью прекращен в апреле 1934-го. Освободившиеся экспортные продовольственные ресурсы были срочно направлены голодающим, в результате чего удалось предотвратить еще большие человеческие жертвы. Тем не менее за четыре года из голодающей страны было вывезено 13,3 миллиона тонн зерна.

На основании тщательного изучения множества архивных данных Р. Дэвис и С. Уиткрофт дали наиболее объективную на сегодняшний день оценку жертв голодной смерти. По их мнению, голод унес жизни 5,7 миллиона человек; его первые признаки проявились в марте 1932 года на Украине, а нормализация уровня смертности на охваченных голодом территориях была достигнута в июле 1934-го (исключение составили только районы Средней Волги, где голод продолжался до октября 1934-го) [4. С. 416—418].

Если бы зерно было вовремя направлено не на экспорт, а на внутреннее потребление находившихся в отчаянном положении людей, то среднедушевые показатели могли составить не менее 778 килограммов зерна (13,3 миллиона тонн / три года голода / 5,7 миллиона человек). Такая норма потребления находится далеко за пределами физической выживаемости; в работе С. А. Нефедова указывается, что нижняя граница нормального питания начинается с потребления 200 килограммов зерна [12. С. 158].

Таким образом, ни один из рассмотренных факторов сам по себе, в отрыве от других, не являлся фатальным, предопределенным с точки зрения возникновения голода. Ни массовый убой скота, ни затягивание сроков уборки, ни демотивация насильственно коллективизированного труда (в виде «итальянской забастовки»), ни нашествие грызунов сами по себе, изолированные от всего прочего, не были способны стать причиной голода. Ничего не было выдающегося и в объемах зернового экспорта. Аграрная дореволюционная Россия еще перед Первой мировой войной, в 1909—1913 годах, экспортировала в год в среднем 10,6 миллиона тонн зерна, а во все урожайные годы нэпа хлебный экспорт превышал 2 миллиона тонн [2. С. 35].

Эти общие рассуждения позволяют понять непосредственную природу голода 1930-х годов. Голод явился результатом трагического наложения сразу нескольких факторов. Насильственная и плохо продуманная коллективизация привела к массовому убою рабочего и продуктивного скота. Это вызвало снижение потребления продуктов животного происхождения, а также сокращение тягловой силы, которое не в состоянии были компенсировать начавшиеся поставки в сельское хозяйство техники. Образовавшийся дефицит средств производства и разрушение

традиционной трудовой морали привели к затягиванию сроков уборки, и в итоге — гибели выращенного урожая. Между тем советское руководство при разработке плана хлебозаготовок исходило из сложившихся в прошлые периоды показателей урожайности и валового сбора зерна, без всяких корректировок планов в связи с изменившейся ситуацией. Это привело к избыточному отчуждению у крестьян продуктов аграрного производства и предопределило голод 1932—1933 годов.

Оказавшиеся перед лицом голодной смерти крестьяне предпринимали отчаянные, но малоуспешные попытки сохранить у себя собранный урожай, для чего были использованы случайные и плохо оборудованные схроны. В итоге массовые потери несобранного и плохо хранимого урожая привели к резкому увеличению популяции мышей, окончательно погубивших продовольственные запасы. Государству, в силу очевидной слабости статистических служб и в условиях информационной неопределенности, нужно было готовиться к худшему варианту развития событий — создавать резервные и страховые фонды продовольственного, фуражного и семенного зерна. И необходимо было задержать отправку экспортных партий до выяснения истинного положения дел в сельском хозяйстве. Но все это было сделано слишком поздно. Власть явно не осознавала реального положения дел в сельском хозяйстве, не поняла причин голода, а когда поняла (произошло это в конце 1932 года) — было уже слишком поздно.

До коллективизации отношения крестьян и государства сводились к купле-продаже излишков зерна. Такая схема отношений регламентируется производителями зерна и исключает чрезмерное отторжение продуктов труда. В результате обобществления средств производства были созданы колхозы — инструменты изъятия и отчуждения продукции сельского хозяйства. Этот очень эффективный инструмент перераспределения ресурсов требовал осторожного применения. Он нуждался в хорошем статистическом обеспечении, компетентных органах планирования, владеющих ситуацией хозяйственных службах. Ничего этого на первых порах не было. Коренное преобразование хозяйственного сектора экономика не сопровождалось коренным реформированием государственного аппарата управления, в результате чего инертная управляющая система оказалась неадекватна быстро меняющемуся объекту управления. Причина голода — внутренний институциональный конфликт в рамках государственного аппарата управления, конфликт между мощными механизмами отчуждения, распределения продовольственных ресурсов и слабыми, недоразвитыми информационными структурами. Это результат рассогласования и дисбаланса государственной тоталитарной машины.

Советская аграрная коллективизация имела столь высокий негативный потенциал, что его невозможно было свести к жертвам голода и спаду производства. Долгосрочные последствия ошибок построения новой сельскохозяйственной системы сказывались на всем последующем периоде существования СССР. К сожалению, эти итоги сталинской

коллективизации в работе С. А. Нефедова по большому счету не нашли достаточного отображения.

Была ли в СССР завершена аграрная модернизация?

Несмотря на многократные попытки реформировать созданную в тридцатые годы колхозно-совхозную систему, она просуществовала практически в неизменном виде до начала 1990-х годов. Система, благополучно пережившая как своих создателей, так и породившее ее время лихорадочной подготовки к большой войне, даже в лучшие свои годы не отличалась высокой эффективностью. Эта особенность ставит под сомнение если не саму советскую аграрную модернизацию, то, по крайней мере, ее завершенность.

Известно, что любая модернизация предполагает усложнение экономических отношений, непрерывное совершенствование машин и технологий, повышение человеческого капитала. Советская коллективизация этим требованиям явно не отвечала. Прежде всего, произошло существенное упрощение экономических отношений, их примитивизация. Важнейший ресурс любого производства — труд перестал иметь в результате коллективизации стоимостную оценку. Доминирующей формой обмена во внутрипроизводственных отношениях стал бартер: люди меняли свой труд на продукцию, которую сами же и производили. Практика трудодней — это, по существу, внеденежная форма отношений, характерная для ранних человеческих обществ или для маргинальных изолированных социальных групп (заклученные, рабы, военнопленные). Такая практика несовместима с модернизацией, в ней нет стимулов к производительному и эффективному труду.

Рассмотрим в связи с этим структуру денежных доходов колхозников в 1940 году, когда формирование колхозной системы было уже окончательно завершено. За работу в колхозах и на машинно-тракторных станциях (МТС) в среднем одна семья получала 307 рублей в год, а от продажи продуктов сельского хозяйства и сдачи продукции по обязательным поставкам — 1002 [1. С. 175]. Но это в среднем. Фактически же большая часть денежной оплаты складывалась из оплаты труда работников МТС. Подавляющее большинство колхозников получало натуральную оплату в виде продукции, одну часть которой потребляли, вторую продавали на колхозном рынке, а большую часть использовали в качестве фуража для выращивания собственного скота.

Благополучие, а часто даже простое физическое выживание основной массы коллективизированных крестьян зависело не столько от их участия в деятельности коллективных предприятий, сколько от личного подсобного хозяйства и рынка, на котором можно было продать произведенную частным способом продукцию. Такая практика девальвировала ценности коллективного труда, закрепляла частнособственническую психологию крестьянства, воспроизводила рынок и рыночные отношения в аграрной и продовольственной сфере. И дело здесь было отнюдь

не только в советских идеологических ценностях, вразрез с которыми шла практика экономического самообеспечения крестьянства. Самое худшее заключалось в том, что в сложившихся аграрных отношениях, с точки зрения интересов колхозников, приоритетное развитие получили мелкие семейные производства, основанные на примитивных технологиях и ручном труде.

Система экономических отношений, основанная на бартерных операциях и по сути своей рабском труде, невосприимчива к достижениям научно-технического прогресса. Советские хозяйственные руководители поняли это правильно и очень быстро. Практически вся техника, которая поставлялась сельскому хозяйству, концентрировалась на машинно-тракторных станциях (МТС), этих «механизированных кулаках», столь необходимых в «битве за урожай». Использование техники предполагало иной уровень кадров, иную систему мотивации (работники МТС получали не только натуральную оплату, но и денежное вознаграждение), иной уровень производственной и деловой культуры. МТС по своей сути были государственными организациями, здесь были сосредоточены наиболее квалифицированные технические, аграрные и идеологические кадры (в составе МТС были политические отделы).

Большинство технологических процессов в растениеводстве в 1930-е годы было механизировано, порядок и сроки выполнения основных агротехнических работ определяли МТС. Практика их функционирования была такова, что повышение уровня механизации полевых работ сопровождалось понижением значимости управления на уровне предприятий, переводом их на внешнее управление. Колхозников лишили не только результатов их деятельности, но также и хозяйственной инициативы. Ликвидация же МТС и передача техники сельскохозяйственным предприятиям были проведены только после того, как был решен вопрос о стимулировании труда работников сельского хозяйства. МТС были реорганизованы после февральского 1958 года пленума ЦК КПСС. Два года ранее, в марте 1956-го, были приняты решения о ежемесячном авансировании труда колхозников, причем авансовые платежи осуществлялись в денежной форме в размере не менее 25 процентов от всех денежных поступлений колхоза.

Однако и после введения полноценной денежной системы оплаты труда работников (а это произошло только в июле 1966 года) сельское хозяйство не получило значительных стимулов для повышения эффективности, так как размер заработной платы был существенно ниже по сравнению с другими отраслями экономики. Одними заработными платами дело не ограничивалось, существенно ниже на селе были и другие показатели социального развития. Например, пенсионное обеспечение для колхозников ввели только в 1965 году (для рабочих и служащих — в 1957-м). При этом средний размер пенсии на селе был ниже, чем в городе, в три раза, а возраст выхода на пенсию — выше на пять лет (65 лет для мужчин и 60 лет для женщин). Различия в пенсионном обеспечении сохранялись до октября 1989 года, то есть практически до последних

лет СССР [26. С. 5—25]. При таком отношении государства и общества к аграрному труду просто немислимо было построить современную и эффективную аграрную экономику.

Наиболее серьезные попытки повысить мотивацию работников предпринимались начиная только с 1985 года, когда экспериментально были отработаны новые формы организации аграрного производства и системы оплаты труда. К этому времени сложилось достаточно ясное представление, что повышение эффективности и результативности сельского хозяйства невозможно без изменения имущественных отношений и расширения самостоятельности трудовых коллективов, структурных подразделений. С этой целью были разработаны различные варианты аренды земли и техники, получили правовую поддержку подрядные отношения между государственными предприятиями и первичными трудовыми коллективами, формировались коллективы интенсивного труда.

Огромный потенциал аграрного возрождения виделся в сельскохозяйственной кооперации, во второй половине 1980-х годов были реабилитированы имя и идеи А. В. Чаянова. Несмотря на интенсивные научные и практические поиски новых форм организации сельского хозяйства и впечатляющие итоги экономических экспериментов, решить аграрную проблему во временных рамках советского строя так и не удалось. У страны были слишком серьезные продовольственные проблемы, и слишком мало времени было отпущено на их решение.

Еще одной серьезной проблемой стали потери сельскохозяйственной продукции и продовольствия на этапах транспортировки, хранения и заготовок. По достаточно авторитетной оценке последнего президента ВАСХНИЛ А. А. Никонова, в 1980-е годы в СССР гибло от 25 до 50 процентов выращенной продукции, при этом потери сельскохозяйственной продукции в два-три раза превышали ее импорт [19. С. 366—367]. Решение этой проблемы было найдено еще в 1920-е годы. Однако к практическим шагам приступили только в 1985-м. В тот год в Тимашевском районе Краснодарского края был создан агрокомбинат «Кубань». Комбинат объединил все колхозы и совхозы района, перерабатывающие предприятия, а также создал разветвленную торговую сеть, которая снабжала курорт Сочи и краевой центр Краснодар хлебом, молочными, мясными и рыбными продуктами, овощами, фруктами, ягодами и соками. Нетрудно заметить идейную преемственность агрокомбинатов 1980-х годов и АИК 1920-х. Позднее агропромышленные формирования возникли также в формах агрофирм и агропромышленных объединений. Однако так же, как и в случае с кооперацией и подрядом, идея агропромышленной интеграции не успела найти широкого применения. На конец 1990 года в СССР в агропромышленные формирования было включено 7,9 тысячи сельскохозяйственных предприятий. При общей численности 52,6 тысячи колхозов и совхозов в СССР получаем, что только 15 процентов из них были интегрированы в разного рода агропромышленные объединения [10. С. 542].

В итоге советская экономическая система рухнула под тяжестью проблем, и не в последнюю очередь они касались аграрного сектора. В 1929 году модернизацию сельского хозяйства было предложено отложить до лучших времен, которые в СССР так никогда и не наступили.

Как видно, интеллектуальные поиски путей реформирования позднесоветского сельского хозяйства очень напоминали 1920-е годы. Громадный интерес к идеям и авторам того периода был явно не случаен: он характеризует своеобразный возврат на исходную временную точку 1929 года. Этот возврат ставит под сомнение результативность и завершенность сталинской аграрной модернизации. В 1980-е годы так же, как и в 1920-е, усилия были направлены на поиск новых советских организационных форм аграрного производства и способов соединения аграрного и промышленного производств. Поиск в обоих случаях закончился провалом. В первом случае причиной стала форсированная индустриализация, лишившая село материальных и человеческих ресурсов. Во втором случае — экономическая и политическая мутация 1990-х годов, не пустившая в дальнейшую историю все самое лучшее и ценное, копившееся в позднем СССР.

Наиболее важной проблемой, связанной с коллективизацией, является ее влияние на модернизацию экономики и общества в СССР. С. А. Нефедов убедительно показал необходимость коллективизации для такой модернизации. В связи с этим он даже не стал акцентировать внимание на ее колоссальных жертвах, полагая их неизбежными в процессе модернизации. Очевидно, что коллективизация привела к определенной модернизации экономики СССР в виде ускоренной индустриализации, механизации сельскохозяйственного производства, реконструкции транспорта. Она сопровождалась и модернизацией в других областях: невиданными в истории темпами урбанизации, повышением образовательного уровня населения. Вместе с тем — и об этом, к сожалению, не пишет Нефедов, она сопровождалась архаизацией общественных отношений. В стране установилась тоталитарная система управления обществом, воцарились «ложь» и «страх» (названия знаменитых пьес Афиногенова). Эта архаизация широко распространилась и в сельском хозяйстве — больше, чем в других, более привилегированных, областях экономики. Можно согласиться с временной неизбежностью такой архаизации, вызванной срочностью модернизации, на чем настаивает Нефедов. Но с ликвидацией такой срочности тоталитарная система должна была стать непреодолимым препятствием для дальнейшей модернизации экономики и общества. Это, кажется, начал понимать и Сталин незадолго до конца своей жизни [28]. Его смерть помешала осуществить некоторые его важнейшие замыслы в этом направлении. Наследники Сталина осуществили лишь часть их, притом не самые важные. Общественные системы имеют огромную инерцию, сопротивляются обновлению. Сопротивляются прежде всего

руководители, но также и рядовые граждане. Платой за промедление с модернизацией общества «сверху» является поспешная и потому плохо продуманная модернизация «снизу», какой стала перестройка, экономические и общественные реформы постсоветского периода. Их жертвой стал и социализм в СССР, который, по нашему мнению, не исчерпал своих возможностей.

Литература

1. Великая Отечественная война : юбилейный статистический сборник. М.: Росстат, 2015.
2. Внешняя торговля СССР за двадцать лет, 1918—1937 : статистический сборник. М.: Международная книга, 1939.
3. Внешняя торговля СССР, 1918—1966 : статистический сборник. М.: Международные отношения, 1967.
4. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода : сельское хозяйство СССР, 1931—1933. М.: РОССПЭН, 2011.
5. Животноводство СССР в цифрах : статистический сборник. М.; Л.: Социально-экономическое издательство, 1932.
6. Животноводство СССР за 1916—1938 годы : статистический сборник. М., Л.: Госпланиздат, 1940.
7. Закария В. В. «Нет ничего сильнее идеи, время которой пришло» // Проблемы экономической истории. Теория и практика. Профессорский сборник: К 60-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Сергея Александровича Нефедова. Екатеринбург, 2011.
8. История советского крестьянства / гл. ред. В. П. Шерстобитов. М.: Наука, 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства, конец 1927—1937.
9. Михалин В. А. Планирование сельского хозяйства Сибири в 20-е годы. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2009.
10. Народное хозяйство СССР в 1990 году : статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991.
11. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2009.
12. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013.
13. Нефедов С. А. Биологические причины голода 1933 г. // Общественные науки и современность. 2013. № 1.
14. Нефедов С. А. История Древнего мира. М.: Владос, 1996.
15. Нефедов С. А. История Нового времени. М.: Владос, 1996.
16. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ истории России. М.: Территория будущего, 2010. Т. 1.
17. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ истории России. М.: Территория будущего, 2011. Т. 2.
18. Нефедов С. А. История средних веков. М.: Владос, 1996.
19. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
20. Сельское хозяйство. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. К. Месяц. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
21. Сельское хозяйство СССР, 1935 г. : ежегодник. М.: Сельхозгиз, 1936.

22. СССР — страна социализма : статистический сборник. М.: Редакционно-издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР, 1936.
23. **Сталин И. В.** Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952.
24. **Струмилин С. Г.** На плановом фронте. М., 1958.
25. **Фигуровская Н. К.** Аграрно-промышленные комбинаты в историческом развитии // Проблемы истории современной советской деревни, 1946—1973 гг. / под ред. М. П. Ким. М.: Наука, 1975.
26. **Фомин Д. А.** Старость, экономика, демография // ЭКО. 2012. № 4.
27. **Ханин Г. И.** Дифференциация в дореволюционной России // Вопросы статистики. 2010. № 3.
28. **Ханин Г. И.** Сталин инициатор перестройки и либерализации? // ЭКО. 2005. № 11.
29. **Ханин Г. И.** Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива. Новосибирск, 2015.
30. The Economic transformation of the Soviet Union, 1913—1945 / R. W. Davies, M. Harison, S. G. Wheatcroft (eds.). Cambridge; N. Y.; Melbourne: Cambridge University Press 1994. ◆